

Н. С. Бурлакова

О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье исследуются возможности дальнейшего развития культурно-исторического подхода Л.С. Выготского и А.Р. Лурия в двух направлениях — со стороны дальнейшего анализа способов и средств опосредования психики в условиях социальной и культурной стратификации современного общества и со стороны применения культурно-исторического анализа к теориям и концептуальному аппарату клинической психологии. Доказывается необходимость изучения знания в клинической психологии в контексте культурно-исторического опыта его формирования. Показывается, что анализ культурно-исторических условий развития данного знания, его границ, функций и определенного исторического смысла способствует более глубокому пониманию психологической клиники и психотерапии.

Ключевые слова: культурно-исторический подход Л.С. Выготского и А.Р. Лурия, культурно-исторический анализ, эпистемология клинической психологии, концепции личности в клинической психологии.

The article is focused on the opportunities of further development of L.S. Vygotsky's and A.R. Luria's cultural-historical approach. Two of them are researched: 1) further analysis of symbolic mediation methods of psyche in the modern society and its social and cultural stratification and 2) cultural-historical analysis use in research of theories and conceptual apparatus of clinical psychology. The necessity of understanding knowledge in clinical psychology in the context of its cultural-historical experience formation is proved. The importance of such analysis is shown for research of development conditions of such knowledge, its borders, functions and define historical sense, that contributes to the deeper understanding of psychological clinic and psychotherapy.

Key words: Vygotsky's and Luria's cultural-historical approach, cultural-historical analysis, epistemology of clinical psychology, psychological theories of personality in clinical psychology.

Новая историческая ситуация в России благодаря случившимся в ней культурным сдвигам все более объемно открывает культурно-историческую основу психологии, о которой писали Л.С. Выготский (1983 и др.) и А.Р. Лурия. В исследованиях А.Р. Лурия (1974, 2001; см. также: Речь..., 1930) было блестяще продемонстрировано, что не только

Бурлакова Наталья Семеновна — канд. психол. наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* naburlakova@yandex.ru

содержание, но и структура психической деятельности зависит от социальных и культурных условий жизни. Результаты этих исследований стали экспериментальным подтверждением идей культурно-исторической психологии, развиваемых в московской школе психологии. В иных исторических условиях, в ситуации рассмотрения современного российского общества, значительно более сложного и гетерогенного, проблематика культурно-исторической психологии существенно усложняется. Например, можно говорить о том, что в социальных и культурных стратах, характеризующихся разными материально-экономическими и социокультурными особенностями, моделями воспитания, представлениями о семье, ребенке, женской и материнской функциях, и в том числе «своим» пониманием нормы и патологии, образуются разные способы и средства опосредования психики, на основе которых формируются различные механизмы развития ребенка (Бурлакова, 2009). Важно, чтобы ситуация значительной социальной и культурной стратификации, неоднородности современного общества стала предметом культурно-исторического психологического исследования. Речь идет не об установлении корреляций между отдельными параметрами культурной ситуации и особенностями психики, но именно об изучении процессов становления в различных социальных и культурных условиях определенной психической организации ребенка с уяснением вначале внешних, а затем внутренних механизмов ее функционирования. В этом нам видится одна из возможностей развития культурно-исторического подхода.

В целом же можно сказать, что эвристический потенциал культурно-исторической концепции, несмотря на ставшие нормативными ссылки на работы Л.С. Выготского и А.Р. Лурия, кажется все же недостаточно освоенным. В частности, отсутствует ответ, например, на следующий вопрос: если все высшие психические функции (ВПФ) являются культурно и исторически обусловленными, то почему же таким же образом не обусловлены и сами психологические концепции? До сих пор их содержание обсуждается исключительно в теоретической плоскости, «вне исторического времени», социальных условий и того в широком смысле культурного опыта, куда входит и личный опыт автора концепции.

Психологическому знанию, эксплицированному в той или иной теории, часто придается абсолютный характер, оно не только излагается, но нередко и применяется без понимания его границ, условий возможности, наконец, исходного смысла той или иной идеи. В итоге этот смысл постепенно утрачивается, само содержание концепции онтологизируется и психологическая концепция, несущая в себе культурно-исторический опыт, приобретает черты «натуралистичности». Зачастую именно с опорой на эту позицию, не осознавая того, психологи, занимаются исследованием без какой-либо методологической рефлексии опосредованности построения предмета методами

получения соответствующего знания, думая, что исследуемый предмет «такой есть», уравнивая знания, концепцию и реальность. Это довольно распространенный тип психологического анализа.

Но в психологии есть и другой тип анализа — культурно-исторический, который может касаться двух аспектов психологического знания. Первый аспект состоит в изучении культурно-исторических механизмов порождения психики. Так, Л.С. Выготский писал о том, что если психическая функция уже сформирована, то для исследователя закрываются пути ее изучения, поэтому необходимо постигать психику в процессе ее формирования, о чем психологи часто забывают. В рамках этого аспекта в отечественной клинической психологии обсуждается культурная детерминация и опосредованность феноменов нарушений психики, телесности человека, влияние культуры на возникновение новых видов психической патологии, очевидными становятся также и сами культурные механизмы психосоматического симптомогенеза, возникновения личностных расстройств, зависимостей и т.д. (Зейгарник, 1986; Зинченко, 2003; Психосоматика..., 2009; Соколова, Николаева, 1995; Тхостов, 2002; Холмогорова, Гаранян, 1999). Наконец, ряд психических феноменов (например, нарциссизм, перфекционизм) начинает осмысливаться в рамках их социальной и культурной детерминированности (Соколова, 2009; Холмогорова, Гаранян, 2004; и др.). Одно из центральных мест в современных клинко-психологических исследованиях начинает занимать феномен самоидентичности, который также во все большей мере осознается как культурно и исторически обусловленный (Соколова, Николаева, 1995; Соколова и др., 2001). Все чаще через категории идентичности, идентификации и т.п. верифицируются различные типы патологического развития, квалифицируются симптомы (синдром «размытой идентичности»), а также задаются ориентиры для психотерапии и коррекционных мероприятий.

Второй аспект культурно-исторического анализа предполагает ответ на вопросы: какая культурно-историческая ситуация явилась условием для создания, например, концепции Л.С. Выготского либо какой-либо иной психологической концепции? Что в этой ситуации (исторической, социальной, личной) заставило автора размышлять именно в этом ключе? Здесь анализируются основания той или иной психологической концепции, рассматривается ее предмет и доказывается, что и сама концепция, и ее предмет порождены особым культурно-историческим опытом, и это позволяет понять условия истинности знания, содержащегося в данной концепции.

Всякая серьезная психологическая теория личности в действительности рефлектирует то, что происходит в культуре (например, «вытеснение» у З. Фрейда, потеря конгруэнтности и стремление к аутентичности у К. Роджерса и др.). Она описывает культурно-историческую ситуацию на психологическом языке, будучи сама обусловлена этой

ситуацией и пытаюсь решить своим появлением определенные задачи, исток которых также в особых социальных и культурных условиях и обстоятельствах жизни ее автора, в свою очередь несущего опыт и представления определенной социальной группы. В этом и состоит ограничение каждой психологической теории личности. Но в этом состоит и достоинство определенной теории, поскольку она создается для решения именно конкретных и культурно обусловленных задач, имеющих значение в определенной культурной ситуации. Проблема возникает тогда, когда эти теории, знания начинают рассматриваться с глобальной позиции, безотносительно к условиям их истинности. В таких случаях можно обнаружить, что в иной ситуации психологическое знание, психологический закон, психологическая техника вполне могут оказаться неистинными, непродуктивными и даже вредными. Это еще раз свидетельствует о том, что всякое научное знание должно быть осмыслено вместе с условиями его получения. И только в этих условиях оно обнаружит свою истинность.

Важно также подчеркнуть, что большинство теорий личности, начиная с конца XIX в., опирается именно на клинично-психологический опыт. З. Фрейд открыл свою психоаналитическую теорию на материале больных с неврозами (прежде всего с истерией) и констатировал наличие вытеснения неприемлемых для сознания желаний. Позднее оказалось, что этот механизм не только присущ данному контингенту пациентов, но и может быть увиден в норме. То же самое можно сказать о концепции А. Адлера, создавшего свою теорию на материале наблюдений за органической неполноценностью, а затем распространившего свои взгляды на природу человека в целом, и о концепции К.Г. Юнга, который отталкивался от своих наблюдений за пациентами, страдающими шизофренией, и за явлениями в развитии личности в связи с кризисом религии в европейском обществе. Примеры нетрудно продолжить. Таким образом, новое психологическое знание о личности часто возникает на материале патологии, а затем переносится в более широкий контекст нормы и на материал исследования развития личности. В этом отношении при изучении основания той или иной психологической концепции важно удерживать ту область клиники (в широком смысле слова), внутри которой это знание первоначально возникло, наряду с пониманием социологии клиники, производящей эту личностную деформацию. В этом же контексте важно понимать те процессы, внутри которых происходит зарождение данной патологии внутри узкой социальной группы, а затем ее распространение вплоть до вхождения в некоторую социальную норму. Так случилось, к примеру, с неврозами, которые изначально были описаны применительно к отдельным представителям среднего класса, а ближе к середине XX в. стали визитной карточкой современного человека, своего рода социальной нормой. Нечто подобное происходит сегодня и с проблемами, связанными с

диффузией идентичности, приобретающими все более массовый размах и заставляющими, к примеру, правительство США продумывать специальные социальные программы, учитывающие этот факт.

С этой точки зрения важной задачей исследований в рамках теории и методологии клинической психологии является культурно-исторический анализ развития ее новых предметов, тематизаций, новых методологических подходов, а также осознание ценностей, лежащих в основе традиционно существующих подходов, при необходимости их соотнесения в рамках единого поля психологического мышления. Необходим также культурно-исторический анализ формирования новых методологий с точки зрения тех задач, которые они решали или пытаются решать сегодня. Наконец, важен культурно-исторический анализ состояния общества, которое, в сущности, производит те патологические явления, с которыми приходится сталкиваться в клинике: ведь каково общество, такова и клиника. И в этом отношении важно думать в направлении расширения понятия клиники¹, о чем неоднократно говорилось (Е.Т. Соколова, А.Ш. Тхостов и др.), тем более что это давно уже и общественная реальность: многие клинические психологи и психотерапевты работают за пределами клиники, и те данные, которые они получают с опорой на сформированное клиничко-психологическое мышление, часто не менее важны и интересны, чем данные, полученные в самой клинике.

В контексте так понятого культурно-исторического подхода была начата серия наших собственных исследований по изучению культурно-исторической ситуации формирования различных методологий в клинической психологии, соответствующих стилей клинического мышления и их опосредованности той культурно-исторической ситуацией, внутри которой они возникли, и теми задачами, в решение которых они были погружены (Бурлакова, Олешкевич, 2005, 2010, 2011; Олешкевич, 2010). Проведенный нами анализ показал, что многие психологические понятия, широко используемые в клинической психологии, несут очень весомую социальную и культурную нагрузку, след тех культурно-исторических ситуаций, внутри которых они формировались, груз личной истории их авторов, общественных запросов, на которые они были ориентированы, и проблемных ситуаций, в которых оказались определенные социальные группы в определенных обществах. Подчеркнем, что речь идет не только о выделении и анализе социальных и культурных условий появления определенного рода знаний, как это делается в социально-историческом подходе в истории психологии (Д. Шульц, С.Э. Шульц и др.), но и о реконструкции взятого в единстве

¹ В частности, с точки зрения культурно-исторической психологии важно понимать, что существуют некоторые области в культуре и социальные механизмы в обществе, которые «производят» определенный клиничко-психологический материал.

культурно-исторического опыта и личного опыта автора концепции, лежащего в основе *содержания* этих знаний. Именно этот опыт, как показывают наши исследования, формирует определенный стиль клинико-психологического мышления.

В частности, реконструкция социальной, культурной и личностно опосредованной «анатомии» психологического знания Э. Эриксона об эго-идентичности аналитически фиксирует его обусловленность соответствующим типом опыта и соответствующими культурными тенденциями, которые наметились еще в конце XIX в., а в середине XX в. в Америке превратились в массовые социальные и культурные явления (Бурлакова, Олешкевич, 2010, 2011). Вывод состоит в том, что именно такого рода структуры опыта задали материал для построения нового психологического знания, появления понятия «идентичность». Соотнесение ряда психологических концепций (З. Фрейда, А. Фрейд, А. Адлера) с личностным и социокультурным опытом их авторов позволило сформулировать следующее утверждение: психологическая концепция рефлектирует именно определенный тип опыта, а условием ее понимания последующими поколениями психологов является рефлексия условий, конституирующих, в сущности, определенный тип психологического знания. Обнаружилось, что в XX в. в европейской культуре опыт жизни и самосознания человека неоднороден, возможно параллельное существование различных типов опыта и различных способов его психологической рефлексии. Именно этим, с нашей точки зрения, как раз и можно объяснить широкое многообразие теорий личности, появившихся в психологии в XX в. Наш анализ показывает, что уже З. Фрейд, А. Адлер и К. Юнг строят свои концепции и психотерапию на совершенно различных типах опыта. Эти виды психотерапии сразу же обретают своих специфических пациентов, которых можно идентифицировать не только по типу психологических проблем, но и по различным социальным группам. На эту закономерность одним из первых обратил внимание К. Юнг. Он стал говорить о пациентах, которым показан классический психоанализ З. Фрейда, об «адлеровских» пациентах, страдающих чувством неполноценности и навязчивыми побуждениями к власти, а также о тех, кто обращается за помощью к нему, — людях достаточно образованных, склонных к размышлениям о проблемах философии, религии и т.п. То же самое можно сказать и о всех последующих теориях личности и подходах к психотерапии. Например, видно, что идеи Э. Эриксона в значительной мере развиваются на материале проблем американской молодежи, социальных и культурных меньшинств и т.п., где ярко проявляются проблемы эмансипации, трудности самоидентификации и борьба с «диффузией». Это определило также и круг пациентов Э. Эриксона, и характер проводимой им психотерапии.

Поскольку значительные психологические теории личности возникают в определенных кризисных состояниях культуры, на материале воспроизводства этих состояний в личном опыте, они часто опираются на определенный пласт нарушений или отклонений в психическом здоровье. Захватывая и обрабатывая в теоретико-психологическом плане этот круг феноменов, авторы концепций и строят определенную теорию личности в норме и патологии. Причем специфика задаваемых авторами теорий представлений о нормальном развитии имплицитно определяет и возможные формы отклонений. Другими словами, отталкиваясь от некоторого типа патологии, рефлектируя данный круг явлений, концепции специфическим образом теперь уже рационально задают особенности нормы и патологии, и на этой основе образуется видение психологической клиники, а затем и подходы к коррекции и терапии соответствующих отклонений. Таким образом, психологическая норма развития определяется некоторым типом отклоняющихся психологических явлений в рамках определенного опыта, которые психологически рефлектируются в форме вновь построенной теории. Так, мы видим разные нормы развития и разные подходы к квалификации патологии у З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, Э. Эриксона и др. Но затем часто происходит бессознательное перенесение исследователями этих теорий на другие типы опыта и материалы, которые не соответствуют тому опыту, который рефлектирует данная теория. Это наблюдается и у Э. Эриксона, который соотносит большинство клинических явлений с нарушениями идентичности, причем в специфическом понимании этого термина. И это еще один аргумент в пользу необходимости рефлексии условий возможности психологической концепции, ее соотносительности с определенным типом опыта и понимания ее познавательных границ.

На этом фоне становятся более заметными и иные, созданные на основе другого опыта подходы к тем психическим содержаниям, которые Э. Эриксон интерпретирует через обращение к концепту идентичности. Исходя из иной проблемной ситуации, например, К. Юнг пишет об индивидуации, К. Роджерс придает первостепенное значение индивидуальности, пониманию своего опыта и принятию себя таким, какой ты есть, а Х. Кохут говорит о «самости» и разрабатывает идеи нарциссизма, введенные в глубинную психологию еще А. Адлером и З. Фрейдом. Есть соблазн понимать эти концепции как различные типы интерпретации одного и того же психологического содержания, но наш анализ показывает, что такой способ понимания разнообразия психологических подходов по крайней мере не всегда способствует более глубокому пониманию психологических теорий. Мы приходим к выводу, что здесь речь идет о психологической рефлексии различных типов опыта, которые для адекватного понимания соответствующих психологий важно реконструировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурлакова Н.С. Социокультурные тенденции в функционировании современной семьи и развитие психогенных психических расстройств у детей дошкольного и младшего школьного возраста // Мат-лы 4-й Междунар. конф. «Психологические проблемы современной семьи» (Москва, 21—23 октября, 2009 г.) / Под ред. Е.И. Захаровой, О.А. Карабановой. М., 2009. С. 103—106.

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Детский психоанализ: школа Анны Фрейд. М., 2005.

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Идентичность и проблема субъекта в современной психологии // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. № 1. С. 156—183.

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция личности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора. М., 2011.

Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983.

Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1986.

Зинченко Ю.П. Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода. М., 2003.

Лурия А.Р. Историческое развитие познавательных процессов. М., 1974.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. М., 2001.

Олешкевич В.И. Индивидуальная психология и психотерапия А. Адлера. М., 2010.

Психосоматика: телесность и культура / Под ред. В.В. Николаевой. М., 2009.

Речь и интеллект городского, деревенского и беспризорного ребенка / Под ред. А.Р. Лурия. М.; Л., 1930.

Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопр. психологии. 2009. № 1. С. 67—80.

Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лэонтиу Ф. К обоснованию клинко-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопр. психологии. 2001. № 6. С. 3—17.

Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М., 1995.

Тхостов А.Ш. Психология телесности. М., 2002.

Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопр. психологии. 1999. № 2. С. 61—74.

Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Нарциссизм, перфекционизм и депрессия // Консультативная психология и психотерапия. 2004. № 1. С. 18—35.